

ДИНАМИКА СТАНОВЛЕНИЯ ДОКТРИНЫ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПРАВ

Аннотация. В настоящей статье сделана попытка построения динамики развития доктрины информационных прав. Исследованы подходы к пониманию права на информацию и на доступ к информации в трудах отечественных и зарубежных исследователей. Отдельное внимание уделено анализу правовой природы цифровых прав человека.

Ключевые слова: права человека, право на информацию, право на доступ к информации, информационные права, цифровые права.

THE DYNAMICS OF THE FORMATION OF THE DOCTRINE OF INFORMATION RIGHTS

Abstract. In this article, the author attempts to build the dynamics of the development of the doctrine of information rights. The approaches to understanding the right to information, the right to access information in the works of foreign and domestic researchers are studied. Special attention is paid to the analysis of the legal nature of digital human rights.

Keywords: human rights, the right to information, the right to access information, information rights, digital rights.

Зарубежная доктрина информационных прав

Информация, как всеобъемлющий социальный ресурс, была предметом исследования еще философов Античности. Сократом, Аристотелем, Платоном обсуждались вопросы использования знаний (информации) во имя эгоизма, жажды власти и общего блага [1, с. 10].

Во второй половине XVII века в трудах шведского мыслителя и политического деятеля А. Кидениуса можно встретить упоминания о свободе информации в качестве права человека, необходимости отмены политической цензуры и предоставления общественного доступа к правительственным документам. Как отмечает Юха Мустонен (Juha Mustonen), именно Кидениус является идейным, доктринальным вдохновителем закона Швеции 1766 года «О свободе слова и печати», в течение практически 200 лет остающегося единственным в мире законом, легально закрепившим право на информацию [22, с. 4]. Закон, составляющий часть Конституции Швеции,

КОСТЕНКОВ Константин Андреевич — аспирант, ассистент кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва

устанавливает свободу прессы, включая свободу печати и распространения материалов о правительстве, судах и парламенте; признает, что свобода прессы зависит от доступа к информации и гласит: «с этой целью должен быть предоставлен свободный доступ ко всем архивам с целью копирования таких документов на месте или получения их заверенных копий» [21].

Последующее развитие доктрины информационных прав и правового регулирования информационных отношений связано, по мнению ряда зарубежных исследователей, в частности М. Ригнера (Michael Riegner), с тремя факторами. Во-первых, политической либерализацией: если принятие упомянутого шведского закона было направлено на уступку монархией власти парламентской оппозиции, то массовое принятие законов о доступе к информации в 1990-х годах является ответом на авторитарный опыт и необходимость выстраивания подотчетности государства обществу. Во-вторых, расцветом административного государства — резким увеличением числа государственных служащих в 40-х годах XX века. В-третьих, «информационной революцией» второй половины XX века [23, с. 336].

По определению М. Кастельса, только во второй половине прошлого столетия основным способом развития становится информационализм [6, с. 492]. Для него, в отличие от прежних способов — аграрного и индустриального, специфическим является воздействие знания на само знание как главный источник производительности. Отсюда и разница в вариантах развития: индустриализм ориентирован на экономический рост, то есть на максимизацию выпуска; информационализм — на технологическое развитие, то есть на накопление знаний и более высокие уровни сложности в обработке информации [13, с. 56].

* * *

Информационная революция, развитие информационно-коммуникационных технологий существенным образом повлияли на все сферы жизни общества, в том числе и право, институт прав и свобод человека и гражданина. Данные процессы потребовали создания новых теоретических подходов к совершенствованию правового механизма защиты (охраны) прав и свобод человека, в первую очередь, права на информацию, на доступ к информации, защиту частной жизни, включая личную и семейную тайны, что обусловило заключение международных договоров в области прав человека, принятие внутригосударственных правовых актов, направленных на регулирование информационных отношений.

Право на информацию и доступ к информации, как и право на защиту частной жизни, как правило, закрепляются на конституционном уровне. При этом в литературе, хотя и достаточно условно, выделяется два способа формализации информационных прав в зарубежных конституциях. Один из них — расширение конституционной формализации права на информацию [8, с. 32]. Например, каждый имеет право свободно получать информацию,

распространяемую для всеобщего пользования; каждый имеет право свободно распространять идеи, мнения, убеждения и иную информацию устно, печатно, изобразительным или иным способом (ст. 44, 45 Конституции Эстонии).

Законом право на информацию может быть ограничено в целях охраны прав и свобод других людей и тайны происхождения ребенка, а также в целях пресечения преступления, задержания преступника или выяснения истины в ходе уголовного производства (ст. 44 Конституции Эстонии); применительно к государственным и муниципальным служащим в целях охраны государственной или коммерческой тайны, ставшей им известной в силу служебного положения либо информации, полученной ими в конфиденциальном порядке, а также в целях охраны семейной и частной жизни других людей и в интересах правосудия (ст. 45 Конституции Эстонии).

Другой способ конституционализации информационных прав — закрепление невмешательства государства в данной сфере. Так, Первая поправка к Конституции США закрепляет положение о неправомочности Конгресса принимать законы, ограничивающие свободу слова или свободу печати, или право народа обращаться к правительству с жалобой о возмещении ущерба.

* * *

В зарубежной литературе встречаются термины «свобода информации», «право на информацию», «право на доступ к информации». В то же время в науке нет единого мнения о соотношении и юридической природе данных прав.

Со ссылкой на статью 10 Конвенции о защите прав и основных свобод, решения Европейского Суда по правам человека по делам «„Санди Таймс“ против Соединенного Королевства» и «Герра и другие против Италии» Н. Хелбергер отождествляет право на доступ к информации и право на информацию. Он обозначает право на доступ к информации как возможность неопределенного круга лиц на получение информации по вопросам, представляющим общественный интерес, которые передают средства массовой информации, а не право отдельных зрителей на доступ к контенту. Средство массовой информации функционирует как посредник и носитель общественного интереса. В этом смысле роль отдельного гражданина является пассивной и заключается в получении информации, которую средства массовой информации предпочитают передать [20, с. 6].

М. Ригнер пишет, что в конституционно-правовой доктрине право на доступ к информации — субъективное, позитивное, безусловное и защищаемое в судебном порядке право человека. Термины «свобода информации», «право на информацию» им используются в более широком смысле, который дополнительно включает негативный аспект, защищающий получателя информации от вмешательства государства. Такое понимание информационных прав автор выводит из анализа положений шведского закона 1776 года «О свободе прессы и печати» и Закона о свободе информации в США 1966 года [23, с. 335].

Информационные права в трудах отечественных ученых

Впервые мысль о формировании информационного права в отечественной правовой науке была высказана А. Венгеровым в 1970-х годах [3, с. 222].

Вместе с тем нужно обратить внимание на то, что «идея прав человека не была обусловлена историческим опытом России», а «явилась своего рода интеллектуальным продуктом, остроумной творческой находкой, появившейся в результате глубокого осмысления векового опыта бесправия», то есть «примером того, как сила мысли преобразует реальность» [9, с. 316]. Антиличностная направленность российской цивилизации «отразилась на характере государственности, ее структуре, взаимоотношении человека и власти, пренебрежении к праву, правовом нигилизме, беззакониях», определив менталитет народа — покорность и смирение, с периодическими бунтами [10, с. 57].

Отечественная доктрина информационных прав получила развитие после принятия Конституции Российской Федерации 1993 года (далее — Конституция), что согласуется с вышеозначенной общемировой тенденцией политической либерализации.

Конституция гарантирует неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени (ч. 1 ст. 23); право на информацию о себе (ч. 2 ст. 24); свободу мысли и слова (ч. 1 ст. 29); свободу поиска, получения, передачи, производства и распространения информации любым законным способом (ч. 4 ст. 29).

Закрепленные в Основном законе права в информационной сфере большинство отечественных исследователей аккумулируют в собирательное понятие «право на информацию», которое рассматривается в разных аспектах: как комплексное субъективное право гражданина; как конституционный принцип информационной открытости деятельности государственных органов, призванных претворять в жизнь права граждан, в том числе в информационной сфере; как основа нового социально-экономического права [7, с. 24].

Отечественные ученые, наряду с их зарубежными коллегами, характеризуют право на информацию как присущее каждому человеку, неотчуждаемое, обладающее прямым действием право. При этом право, не являющееся абсолютным ввиду наличия в законодательстве государственной, коммерческой, личной, врачебной и иных видов тайн [7, с. 25].

Анализируя соотношение терминов «право на информацию» и «право на доступ к информации», закрепленных в конституционном тексте, российские ученые указывают на более широкое понимание первого — «права на информацию». Так, по мнению Э.В. Талапиной, в части 1 статьи 29 Конституции речь идет о праве на информацию в широком понимании («добывание» любой информации любым законным способом), а в части 2

статьи 24 — о праве на доступ к информации о себе («добывание» персонализированной информации посредством доступа к ней). В этом плане можно различать право на информацию как родовое понятие, а право на доступ к информации — как его разновидность, выделяемую по признаку способа «добывания» [15, с. 77].

Понятие и место цифровых прав в системе прав человека

Одной из тенденций развития права на информацию выступает его реализация в Интернете [11, с. 206] и появление в юридической науке категории «цифровые права человека».

В публичном праве не сложилось единого мнения о правовой природе «цифровых прав человека». В данном контексте можно выделить две группы ученых: первая отстаивает положение о том, что цифровые права по своей сущности являются «традиционными» правами человека, вторая выделяет их в отдельную группу.

Цифровые права человека как элемент традиционных прав. В.Д. Зорькин под цифровыми правами понимает «права людей на доступ, использование, создание и публикацию цифровых произведений, на доступ и использование компьютеров и иных электронных устройств, а также коммуникационных сетей, в частности к Интернету. А также право свободно общаться и выражать мнения в Сети и право на неприкосновенность частной информационной сферы, включая право на конфиденциальность, анонимность (обезличенность) его уже оцифрованной персональной информации... Цифровые права человека — это, по сути, конкретизация (посредством закона и правоприменительных, в том числе судебных, актов) универсальных прав человека, гарантированных международным правом и конституциями государств, — применительно к потребностям человека и гражданина в обществе, основанном на информации» [4].

Определяя сущность «цифровых прав человека», В.В. Невинский указывает на три признака. Во-первых, правовую основу цифровых прав человека составляет одно из фундаментальных профильных прав человека: конституционное право на свободу информации в его многообразном проявлении, включая права свободного поиска, получения, передачи, производства и распространения информации любым законным способом (ч. 4 ст. 29 Конституции).

Во-вторых, конституционное право на свободу информации с его отдельными детализирующими конституционными правами развивается иными традиционными конституционными правами на определенные виды и способы оборота информации. Среди них — право каждого на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ч. 2 ст. 23); право каждого на дачу согласия на сбор, использование и распространение информации о его частной жизни (ч. 1 ст. 24) и так далее.

В-третьих, правовая природа каждого из названных информационных прав человека характеризуется отнесением его Конституцией к основным правам человека, декларируемым в качестве высшей общественной ценности, которую государство обязано признавать, соблюдать и защищать (ст. 2), провозглашаемым неотчуждаемым и принадлежащим каждому от рождения (ч. 2 ст. 17), непосредственно действующим, определяющим смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваемым правосудием (ст. 18). Цифровизация настоящих оценочных конституционных положений, как и соответствующих информационных прав человека, лежащих в основе этих положений, не колеблет их принципиального характера [12, с. 25].

Главный аргумент данной группы ученых заключается в том, что «традиционные» права человека были сформулированы в международных документах и конституциях в период отсутствия всеобщего доступа в Интернет и повсеместного применения цифровых технологий. Большинство основных прав сформулированы на базе общих этических и общественных ценностей, а не адаптированы к конкретным ситуациям и обстоятельствам.

Преимущество широких формулировок заключается в том, что они дают простор для толкования и могут быть легко применены к самым разным ситуациям в самых разных контекстах. Этот аспект, безусловно, помог большинству основных прав выдержать испытание временем и остаться основополагающими. Информационно-коммуникационные и цифровые технологии в данном случае — лишь средства реализации «традиционных» прав человека: в частности, право человека на свободу информации; право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени; право на объединение.

Цифровые права как отличные от «традиционных» прав человека. Как отмечает В.А. Карташкин, цифровые права обладают специфическими детерминантами (технический прогресс, массовое внедрение цифровых технологий), придающими им характер *suī generis* (единственного в своем роде) [5, с. 949].

Э.В. Талапина полагает, что рассматривать в современных реалиях цифровые технологии лишь как средство реализации прав человека — вчерашний день, так как при таком подходе существует риск отставания от развивающихся общественных отношений. И приводит пример, когда пренебрежение информационными коммуникационными технологиями стало причиной растягивания во времени административной реформы по информатизации оказания государственных услуг [14, с. 50].

* * *

В литературе право на доступ в Интернет рассматривается в качестве ядра всех иных цифровых прав [2, с. 23]. Анализируя особенности работы Сети, М. Бест еще в 2004 году аргументировал самостоятельность права на

доступ в Интернет от информационных прав. Его основной аргумент звучит так: «Однако я выдвигаю более веское утверждение, которое заключается в том, что право на информацию в некоторой степени требует Интернета, и, таким образом, доступ к Интернету сам по себе стал правом человека... Таким образом, быть исключенным из этой информационной технологии — это, по сути, быть исключенным из информации, и точка» [18, с. 80].

А.И. Хуснутдинов рассматривает Глобальную сеть как социальное благо со следующими качествами: широта предлагаемых возможностей для личности по реализации своего потенциала и по реализации иных субъективных прав; цифровая среда взаимодействия участников информационного общества, включая государство и его органы, институты гражданского общества и отдельных лиц; средство трансформации доступа к материальным и нематериальным благам и расширения их содержания; ценность в общественном сознании в качестве самостоятельного блага. Он заключает, что необходимость введения в систему российской юриспруденции понятия «право на доступ в Интернет» как комплексного субъективного права личности, имеющего фундаментальное (конституционное) значение, проистекает из возросшей социальной значимости Интернета, сформировавшейся в законодательстве системы ограничений доступа и риском нарушения функционирования российского сегмента компьютерной сети в результате вредоносного воздействия. Такая институционализация субъективного права направлена на обеспечение баланса интересов государства, общества и личности и повышение гарантированности прав личности в условиях обеспечения технологического суверенитета государства в текущих условиях [17, с. 10].

Соглашаясь с А.И. Хуснутдиновым в части понимания Интернета в качестве блага и ценности, считаем необходимым обратить внимание на дальнейшую необходимость исследования цифровых прав человека с целью предотвращения рисков и проблем, которые несет Интернет.

* * *

Отказ от использования цифровых технологий уже исследуется российскими и зарубежными правоведами в качестве составной части права быть человеком, то есть правовой возможности индивида быть защищенным от каких-либо посягательств на его естественную природу как биофизического, интеллектуально-разумного, психического, социального и духовно-культурного существа, выделившегося из других форм жизни, благодаря способности производить и использовать орудия труда для обеспечения своей жизни и преобразования мира, обладающего, наряду с телом, членораздельной речью, сознанием, нравственными и духовными качествами [16, с. 43].

Сложность построения стройной системы цифровых прав человека вызвана следующими объективными факторами: отсутствие единого нормативного правового акта, закрепляющего исчерпывающий перечень цифровых

прав человека (при этом создание такого перечня вряд ли представляется возможным ввиду второй причины); постоянное развитие общественных отношений и цифровых технологий не дает возможности выстроить точную систему и исчерпывающий перечень цифровых прав, так как всегда существует риск усовершенствования технологии и появления нового цифрового права.

Каталог цифровых прав постоянно дополняется. После пандемии COVID-19 среди правоведов идут дискуссии о содержании таких цифровых прав, как право находиться оффлайн (the right to be offline), право менять свои интересы (the right to change your mind), право начать все с чистого «цифрового» листа (the right to start over with a clean (digital) slate), право на ограниченный срок действия персональных данных (the right to expiry dates for data), право знать ценность своих персональных данных (the right to know the value of your data), право на «чистую» цифровую среду (the right to clean digital environment), право на безопасную цифровую среду (the right to safe digital environment) [19, с. 6].

Представляется, что объединяющими признаками вышеперечисленных прав, которые позволяют выделить их в отдельную группу, могут выступить, во-первых, возможность их реализации только с использованием цифровых технологий; во-вторых, существование цифровых прав только в пределах цифровой среды, цифрового пространства; в-третьих, объектом цифровых прав является информация. При этом последний признак сближает цифровые права с информационными.

Заключение

Анализ динамики становления доктрины информационных прав на рубеже последних двух столетий позволяет сделать следующие выводы.

Основными факторами, определяющими развитие доктрины информационных прав, появление и развитие правового регулирования отношений в информационной сфере являются информационная «революция», расцвет административного государства и политическая либерализация второй половины XX века.

В конституционно-правовой доктрине наиболее часто встречается мнение о комплексном характере права на информацию, которое, с одной стороны, рассматривается как субъективное, позитивное, безусловное и защищаемое в судебном порядке право человека (право на доступ к информации), с другой — включает негативный аспект, невмешательство государства в автономию личности в информационной сфере.

Повсеместное внедрение и развитие информационно-коммуникативных и цифровых технологий, в особенности Интернета, позволяет выделить категорию «цифровые права человека», определяющими признаками которой выступают: возможность реализации этих прав только с использованием

цифровых технологий; их существование исключительно в пределах цифровой среды и цифрового пространства; объектом цифровых прав выступает информация.

С развитием цифровых технологий перечень цифровых прав человека постоянно расширяется, что обуславливает сложность построения стройной системы этих прав.

Список литературы

1. Бачило И.Л. Информационное право: учебник для магистров. М.: Юрайт, 2015. 564 с.
2. Варламова Н.В. Цифровые права — новое поколение прав человека? // Труды Института государства и права РАН. 2019. Т. 14. № 4.
3. Венгеров А.Б. Право и информация в условиях автоматизации управления: (Теорет. вопросы) / ВНИИ сов. законодательства. М.: Юрид. лит., 1978. 206 с.
4. Зорькин В.Д. Право в цифровом мире. Размышление на полях Петербургского международного юридического форума // Российская газета (Столичный выпуск). 2018. 29 мая. № 115. URL: <https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadachagosudarstva-priznavat-izashchishchat-cifrovy-prava-grazhdan.html>.
5. Карташкин В.А. Цифровые права человека: международно-правовое и социальное измерения // Вестник РУДН. 2022. № 4.
6. Кастельс М. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура / Мануэль Кастельс; пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана; Гос. ун-т. Выш. шк. экономики. М., 2000. 606 с.
7. Короткова М.В. Конституционные основы взаимодействия органов публичной власти Российской Федерации и гражданина в информационной сфере: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2014. 203 с.
8. Косорукова Т.В. Зарубежный опыт конституционного обеспечения свободы массовой информации и права на информацию // Труды Института государства и права Российской академии наук. № 5. 2013.
9. Лапаева В.В. Типы правопонимания: правовая теория и практика. М., 2012. 356 с.
10. Лукашева Е.А. Российская цивилизация и права человека // Всеобщая декларация прав человека: универсализм и многообразие опытов. М.: Институт государства и права РАН, 2009.
11. Минбалеев А.В. Право на информацию: природа и особенности развития в современном мире // Вопросы управления. 2014.
12. Невинский В.В. Цифровые права человека: сущность, система, значение // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 11.
13. Отюцкий Г.П. Классические исследования в информационной антропологии: Мануэль Кастельс о культуре информационного общества // Система ценностей современного общества. 2012. № 23.
14. Талапина Э.В. Права человека в Интернете // Журнал российского права. № 2. 2019.
15. Талапина Э.В. Право на информацию в свете теории субъективного публичного права // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 6.

16. Умнова-Конюхова И.А. Право быть человеком — фундаментальное право и конституционный нарратив в системе личных прав и свобод в парадигме гуманизма // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 11.
17. Хуснутдинов А.И. Право на доступ в Интернет в системе конституционных прав и свобод: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. 271 с.
18. Canetti D., Shandler R. A reality of vulnerability and dependence: internet access as a human right. *Israel Law Review*. № 52(1). 2019.
19. Custers B. New digital rights: Imagining additional fundamental rights for the digital era // *Computer Law and Security Review*. 2022. № 4.
20. Helberger N. The «Right to Information» and Digital Broadcasting — About Monsters, Invisible Men, and the Future of European Broadcasting Regulation // *Entertainment Law Review*. Vol. 17. № 2. 21 p.
21. History of Right of Access to Information // Access Info Europe. URL: <https://www.access-info.org/2009-07-25/history-of-right-of-access-to-information/> (дата обращения: 01.12.2024).
22. Mustonen J. The World's First Freedom of Information Act Anders Chydenius' Legacy Today. Kokkola: Anders Chydenius Foundation, 2006.103 p.
23. Riegner M. Access to Information as a Human Right and Constitutional Guarantee. A Comparative Perspective // *Verfassung und Recht in Übersee / Law and Politics in Africa, Asia and Latin America*. 2017. Vol. 50, № 4.